

на радости свиданія съ бариномъ представятъ передъ его свѣтлыя очи, кто съ индюкомъ подъ мышкой, кто съ ковригой хлѣба. Эта сцена изображена на картинкѣ: Василій Ивановичъ съ своей полу-русской и полу-татарской фizioноміей, а мужички съ греческими лицами героевъ «Иліады», можетъ быть, въ ознаменованіе того, что всѣ мужики красавцы, и непріятныхъ фizioномій между ними не бываетъ.

Въ заштатномъ городѣ неизвѣстнаго званія тарантасъ измѣнилъ довѣренности друга своего, Василія Ивановича, и потребовалъ починки. Кузнецъ, впрочемъ, незнакомый съ развратнымъ Западомъ, запросилъ за починку 50 рублей, а согласился за три цѣлковыхъ. Съ горя путешественники наши зашли въ харчевню напиться чаю. Тамъ сидѣли купцы, чистые русаки, нисколько не знакомые съ развращеннымъ Западомъ. Одинъ изъ нихъ хвастался, какъ онъ купилъ у проигравшагося въ карты помѣщика скверной муки, смѣшалъ ее съ хорошей, да и продалъ въ Рыбинскъ за лучший сортъ. «Что жъ, коммерческое дѣло!» сказалъ одинъ. — «Оборотецъ извѣстный», прибавилъ другой. Разумѣется, они пили чай, держа блюдечки на растопыренной пятернѣ, и потъ ручьями катился съ ихъ фizioномій—но попадалъ ли въ блюдечки, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. Вообще купцы изображены превосходно, и наблюдательный талантъ автора торжествуетъ въ этомъ изображеніи такъ же, какъ и вездѣ, гдѣ приходится ему изображать. Очень ловко сумѣлъ онъ заставить ихъ высказываться передъ Иваномъ Васильевичемъ, который думалъ, что онъ видитъ все это во снѣ,—такъ пораженъ онъ былъ принципомъ этой особой «коммерціи», которая избѣгаетъ по возможности векселей и всякихъ формальностей, и вертится на навѣяхъ, рутинѣ, обманѣ и плутняхъ. Какъ ни убѣждалъ онъ ихъ въ превосходствѣ правильной, систематической европейской коммерціи передъ этимъ испорченно-восточнымъ барышничествомъ на-авось,—купцы остались при своемъ. Одинъ изъ нихъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

—Вы, можетъ быть, кое-что, признательно сказать, и справедливо тутъ говорите, хошь и больно грозное. Да извольте видѣть, люди-то мы не грамотные. Дѣловъ всѣхъ разсудить не въ состояніи. Какъ разъ повернутся французы, да аферисты, заведутъ компаніи, а тамъ глядишь и поклонился капиталу. Чего добраго въ несостоятельные попадешь. Нѣтъ ужъ, батюшка, по старому-то оно не такъ складно, да ладно. Нашъ порядокъ съ-изстари такъ ведется. Отпы наши такъ дѣлали и не промотались, слава Богу, и капиталъ намъ оставили. Да вотъ-съ, и мы потрудились на своемъ вѣку, и тоже, слава Богу, не промотали отцовскаго благосло-

венія, да и дѣтей своихъ надѣлили. А дѣти пущай дѣлаютъ, какъ знаютъ. Ихняя будетъ воля... Да не прикажете ли, сударь, чашечку?

— Нѣтъ, спасибо.

— Одну хоть чашечку.

— Право, не могу...

— Со сливочками!...“ (стр. 170).

Въ большомъ селѣ, гдѣ были праздники, Иванъ Васильевичъ пустился изучать русскую народность, но его аристократическій носъ безпрестанно отворачивался отъ народныхъ сценъ, которыя, какъ извѣстно, бываютъ грязноваты не у насъ однихъ. Увидя молодищъ, онъ поправилъ на себѣ пальто и, въ надеждѣ вѣрнаго эффекта, подошелъ къ толпѣ.

«Однако онъ ошибся. Здоровая румяная дѣвка указывала на него довольно нахально, обращаясь къ подругамъ: „Вишь, какой облизанный нѣмецъ идетъ!“

Молодицы засмѣялись, а паренъ въ красной рубашкѣ вмѣшался въ разговоръ:

— Эка зубастая Матрѣха. Смотри *рыло* разобью!

Матрѣха улыбнулась.

— Вишь, больно напужалъ... Озорникъ этакой. Я и сама тресну, что сдачи не попросишь.“ (стр. 220).

Насладившись этой сценой сельской идилліи и рыцарской любезности, нашъ изыскатель наткнулся на раскольника и попробовалъ допроситься у мужика, чѣмъ за секта, много ли у нихъ раскольниковъ, и проч. Но на всѣ свои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: «по старымъ книгамъ». Далѣе пьяный солдатъ рассказывалъ, какъ онъ ходилъ подъ турку, и объяснялъ причину войны тѣмъ, что «турецкій салтанъ, по ихъ нѣмецкому языку, вишь, государь такой значить, прислалъ къ нашему Царю грамоту: я хочу-де, чтобъ ты посторонился, а то мѣста не даешь; да изволь-ка еще окрестить всѣхъ твоихъ православныхъ въ нашу языческую поганую вѣру», и проч. Долго еще бродилъ Иванъ Васильевичъ, много еще видѣлъ пьяныхъ сценъ,—а народности все не нашелъ. Мимо его промчался на тройкѣ засѣдатель, и Иванъ Васильевичъ воскликнулъ: «О, чиновники! Ужъ не вы ли, по привычкѣ къ воровству, украли у насъ народность!» Вотъ что называется съ больной-то головы да на здоровую! Ужъ не чиновники ли, по привычкѣ къ воровству, украли у Ивана Васильевича способность смотрѣть прямо на вещи? Или онъ не получилъ ея отъ природы? Последнее вѣроятнѣе.

Какъ нарочно, при входѣ въ избу на слѣдующей станціи, Иванъ Васильевичъ встрѣтилъ чиновника, это былъ исправляющій должность исправника, выѣхавшій навстрѣчу губернатору. Василій Ивановичъ пригласилъ его съ собою напиться чаю и спросилъ, давно ли онъ служить.—Съ восемьсотъ чет-